

Григорий Померанц **Технология власти и власть технологии**

Когда технология власти становится основой политики, это несчастье для эпохи и для страны, где оно случилось. Сломаны правовые рамки, в которых власть действует, потеряны духовные ориентиры. Власть обнаглела и потеряла чувство своих границ. На время она кажется всемогущей, иногда гремят военные победы; но они оказываются пирровыми. Истощаются силы страны, истощается терпенье слуг на всех уровнях. И после смерти деспота глухое недовольство вырывается в смуте. Так было после смерти Цинь Шихуанди, Ивана Грозного, Иосифа Сталина. Сподвижники деспота сами разваливают порядок, при котором они встали возле трона, и падают в разрытую ими яму.

Любая сила, импульс, принцип, идея, вырвавшаяся из связки с другими силами культуры, разрушает ее целостность. Всякий принцип истинен, пока он знает свою меру. Выйдя за пределы, отпущенные ему историей, он становится разрушительным. Бывают эпохи, когда и диктатура необходима, когда альтернативой ее становится внешняя угроза или силы анархии. Но только римляне создали систему, в которой диктатор каждые полгода должен был отчитываться перед сенатом и сенат решал, – продлить его полномочия или нет; а народный трибун мог наложить свое вето на любое решение сената, невыгодное плебеям.

В новое время механизм входа в диктатуру и выхода из диктатуры нигде не был создан. Европа XIX века не была готова к чрезвычайным положениям, не ожидала их, и диктатуру создавала масса, взбаламученная непонятными и невыносимыми поворотами жизни, увидевшая в талантливом демагоге своего вождя и спасителя. Механизма контроля над диктатором масса никогда не могла создать, и диктатура довольно быстро вырождалась в деспотизм. Ленин видел гарантию от вырождения во внутрипартийной демократии. На страже ее по идее стоял центральный

комитет, состоявший из большевиков с дореволюционным стажем, помнивших свое социал-демократическое прошлое. Но уже сложилась новая привычка, к партии вождя, который во всем и всегда прав. И Сталин сумел использовать эту привычку в свою пользу. Как он это сделал, хорошо описал Авторханов в своей книге. Самый термин «технология власти» стал после нее популярным.

Власть идеи, сорвавшейся с цепи, вырвавшейся из царства идей, неправильно называть идеократией. Идея становится в ней прикрытием бешенства власти, безумного движения от насилия к насилию до падения в бездну. Эта опасность дремлет во всякой захваченности идеей, задолго до того, как она станет властью.

Когда я пишу, я стараюсь держать ум в сердце. Иначе инерция мысли уносит куда-то в духовную яму. И страх духовной пустоты, страх отрыва от глубокого сердца – это страх божий. Это знак: бросай работу, остановись, высвободи ум от захваченности, дай ему внутренний простор, полет над страстями.

До какой-то степени это относится и к политическому действию. У старых большевиков оставался кусок сердца, связанный со словом социализм, они понимали путь к социализму по-разному, но при слове социализм у всех вздрагивало сердце. Слово социализм связано было для них с идеями справедливости, добра и т.п. Но постепенно сердце каменело. Его заполнило другое: борьба за первое место в аппарате, наслаждение властвовать. В Сталине этот процесс завершился. Бог в нем умер. Ибо Бог – это любовь, действующая любовью, а дьявол – власть ради власти. Сталин стал медиумом демонических сил истории, и Даниил Андреев прав: вдохновение Сталина, его энергия – от этой одержимости. Стремление к победе идеи само по себе не безгрешно: оно ставит идею выше любви. У Сталина идейность переродилась в эротику власти.

Сейчас уже совершенно ясно, что политическая стратегия Бухарина была верной: «врастание кулака в социализм», лозунг «обогащайтесь», а

не разорение крестьян; союз с социал-демократами, а не грызня с ними, облегчившая Гитлеру путь к власти. Этот путь мог дать расцвет экономики не хуже, чем в Китае. Он мог дать выход от диктатуры к духовной свободе, как постепенно двигалась к свободе диктатура Гэнро в Японии, после реставрации Мейдзи. Но Сталину нужно было другое: сознательно или бессознательно, он обострял ситуацию, делал репрессии видимо необходимыми, а потом ломал сопротивление, уничтожая целые классы, целые народы, заставляя людей, подвластных ему, цепенеть от ужаса. Дать крестьянам «твердые задания» по хлебозаготовкам, а потом раскулачить «твердозаданцев», не сдававших хлеб даром. Обезглавить армию репрессиями накануне войны, а потом проложить путь к победе через горы трупов. С каждой победой росла пирамида из черепов. Каждые несколько лет – новая волна террора. Никто не был от него застрахован. Министр (и не один), член (или кандидат в члены) политбюро мог назавтра оказаться в застенке. Система судорожно работала, выполняя и перевыполняя планы (по крайней мере на бумаге), и готова была завоевать весь мир. Но у нее был один недостаток: она превращала все обстоятельства в чрезвычайные, еще более чрезвычайные, совершенно чрезвычайные – и человеческая природа не выдерживала стресса. Был такой анекдот, ходивший среди троцкистов: «Можно ли построить социализм в одной стране?» Гилель ответил: «Можно», но Раше (средневековый комментатор древнего мудреца) добавил: «только жить в этой стране нельзя будет».

Никакой исторически достижимой цели у Сталина не было. Лозунг, в котором называлась видимая цель, поражал своей нелепостью: «Движение к коммунизму через усиление классовой борьбы». Тут не нужна никакая пародия. Готовый язык Оруэлла: «Мир – это война», «свобода – это рабство». «Усиливая репрессии, двигаемся к ассоциации, в которой свободное развитие всех будет условием свободного развития каждого».

Однако коммунизм – не единственный абсурд, к которому ведет идея, вырвавшаяся из связки культуры. Власть капитала видимо

ограничена. Она не сажает своих врагов задом на ножку табуретки, не защемляет мошонку дверями. У нее более цивилизованная технология. Достаточно контроля над телевидением и даже не над всеми передачами, а над известным процентом передач. Достаточно культа научно-технического прогресса. Ум, привыкший создавать системы из атомарных фактов, вытасенный на поверхность логики, теряет глубину, теряет способность строить внутреннее пространство личности, независимое от рекламы и пропаганды, выстраивать царство внутри нас, перекликающееся с бесконечным простором вне нас. Она становится щепкой в разливе неудержимой реки, в неудержимом расширении техногенного мира, готового пожрать мир, созданный Богом. Победа Запада в холодной войне оказалась такой же пирровой, как победы Сталина. Процесс отчуждения человека от его собственной сущности захватывает миллиардера не меньше, чем клерка, и даже художник не достигает полной свободы.

Карл Маркс и Герберт Маркузе ошибались в своих альтернативах капитализму. Бесконечное развитие человеческих способностей как самоцель – идея, основанная на оценке человеческой природы на уровне просветителей XVIII в. Уже Дидро, с его «Племянником Рамо», в это не верил. Достоевский, в «Записках из подполья», не оставляет камня на камне от иллюзии «прекрасного и высокого». Без открытия чего-то высшего в собственной глубине, без готовности служить этому высшему человеческая свобода развязывает дьявола. Этого ни Маркс, ни Маркузе не понимали. Но Маркс в критике капитализма, Маркузе в критике посткапитализма были правы. Потеря смысла жизни, более высокого, чем сама жизнь с ее минутными удовольствиями, сказалась в потере воли оставить на земле потомство. Рождаемость неудержимо падает. На европейские и европеизированные страны легла печать смерти. Победители в споре передового Запада с отсталым Востоком оказались в таком же тупике, как Россия, которая по-прежнему страдает и от капитализма, и от недостаточного развития капитализма.

Все безудержное ведет к смерти. Сталинские победы – благодаря безудержному насилию, победа свободного Запада – благодаря безудержной свободе научно-технического прогресса, обогнавшего души людей. Однажды в горах проводники из племени шерпа остановились. В ответ на вопрос туриста они ответили: «Мы слишком быстро шли. Наши души не успевают за нами». Одна система исчерпала себя из-за соблазна взбесившейся идейности, другая – из-за полного отказа от руководящей идеи, из-за потери контакта с собственной глубиной, из-за смены традиционных святынь рыночными ценностями. Человек, отпавший от Бога, отпадает и от воли к жизни.